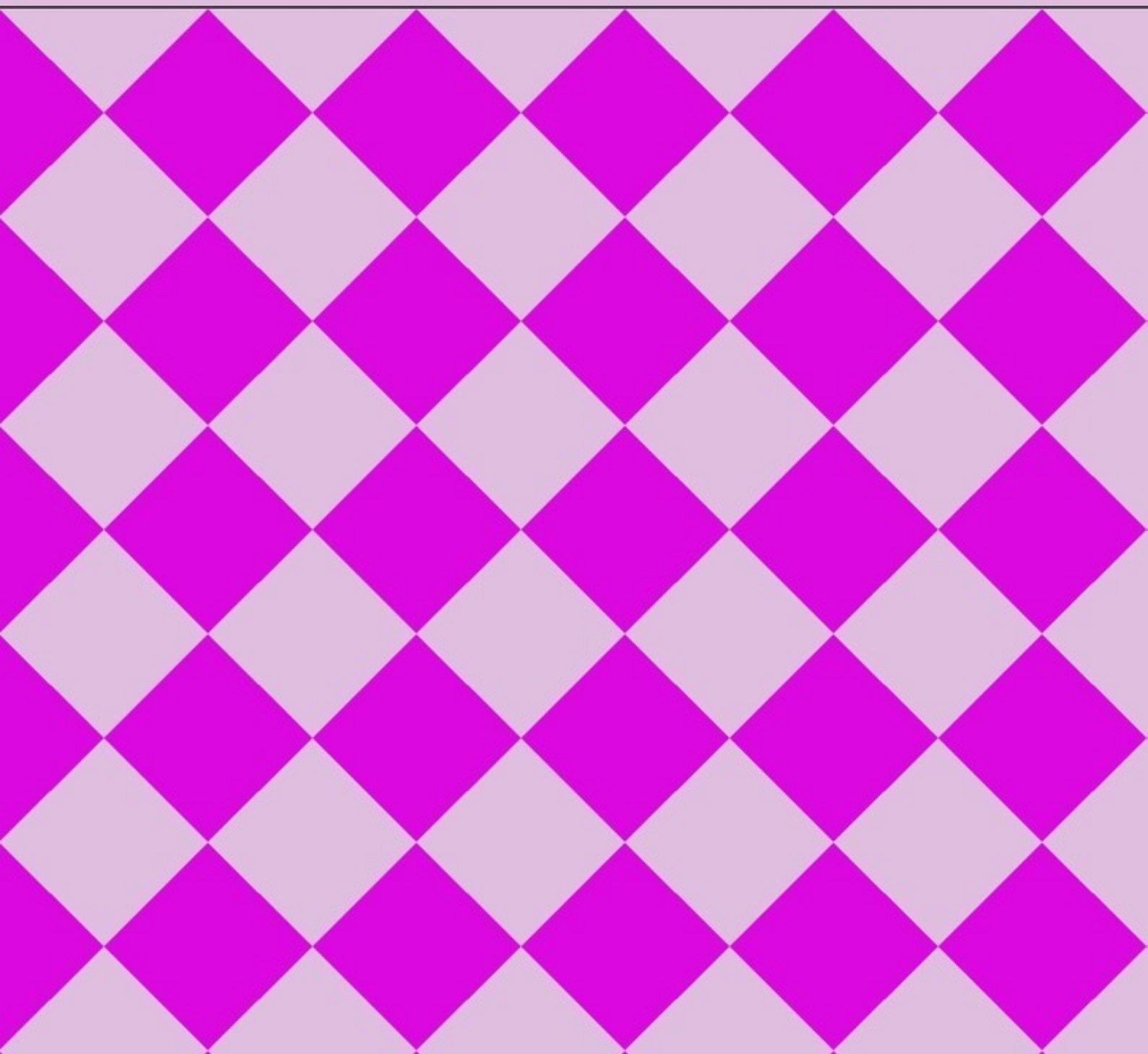

Аркадий Макаров

Бабье лето

Аркадий Макаров

Бабье лето

«Издательские решения»

Макаров А.

Бабье лето / А. Макаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747275-7

Книга написана на основе жизненного опыта автора и судьбы его бывшей соседки по барачному житию. Сказка — всегда сказка, но в жизни так бывает, хотя и редко. Слава счастливой судьбе!

ISBN 978-5-44-747275-7

© Макаров А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Бабье лето

Аркадий Макаров

© Аркадий Макаров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

После нудных, затяжных дождей, холодных, как стальные лезвия, когда вся надежда на погожие дни уже исчезла, уже народ перетряхнул зимнюю одежду, дожидаясь морозов, уже в батареях отопления весело зажурчало тепло, как природа, однажды утром, улыбнулась во всю ширь горизонта алой зарей и новый день, как ни в чем, ни бывало, выкатил над городом шар уже позабытого солнца, разогревая остывший за эти дни, воздух.

Снова распахнуты плащи и куртки, развязаны шарфы, снова непокрытую голову овеивает по-летнему теплый ветерок.

Откуда-то, словно из-за пазуха, день высыпал в придорожную давно отцветшую траву бесчисленное количество воробьев. Они кричат так, словно это вовсе и не спорыш-травы, а настоящее просо.

Слава Богу, пришло на короткую побывку бабье лето.

Так бывает в природе, но так может случиться и в человеческой судьбе. Вроде беспросветное существование, вроде и отдушины никакой нет, а, глядишь, и улыбнется тебе судьба, пошлет солнечный зайчик, и ты согреешься возле него, оттаяв душой и сердцем.

Извилисты дороги у Господа Бога, но путь его прям.

В этой парадоксальной истине вся жизнь человека, вся его деятельность на этом свете. Недаром говорят: «Что Бог не делает, все – к лучшему!»

Возьмем, например, Ниночку Теплякову, женщину еще, ничего себе, справную и лицом и телом. В свои сорок пять она выглядит на все тридцать и даже моложе, а судьба у нее аховая: замуж вышла по нужде в неполные семнадцать лет, родила сына, с которым ютилась в полуподвальном барачном помещении одна. О муже и говорить нечего. Тот после женитьбы, как с цепи сорвался, пил и гулял напропалую, с кем не попадая. Бывало, придет домой на рогах, упадет на постель во всем, в чем был и, отвернувшись к стенке, захрапит, как колесо ржавое, не смазанное. Или того хуже, когда недопьет, тогда его бывшая лагерная жизнь Ниночке и сыночку ее боком выходила – бил нещадно всем, что под руку попадало. Рычал по-звериному: «Я вас сделаю!»

Как он их «делать» собирался, они не знали, но все равно боялись и прятались на верхнем этаже у соседки, куда он заходить не спешил, так как у соседки сын – капитан милиции, и вход туда этому извергу был недоступен.

Иногда и мне, в моей барачной жизни, приходилось вздрагивать от одного его вида: сидит у окна, царапает рассохшуюся гитару и воет по-волчьи: «Заморили, суки, заморили, отобрали волюшку мою...»

Жениться на Ниночке, его обязал суд, который пригрозил снова отправить его на нары по статье за изнасилование несовершеннолетней, потому что Ниночка тогда училась в девятом классе, а ему шел тридцать первый год.

После первой отсидки, он по женскому роду очень уж томился, а Ниночка, как на грех, из детского дома в школу проходила мимо его окна, где он жил в том полуподвальном помещении, в котором позже придется ей горе мыкать одной с ребенком на руках в наше не милостивое, сундучное время.

Насильника и дебошира наконец-то посадили теперь уж на длительный срок за участие в организованной преступной группировке, промышлявшей на дорогах, перетряхивая фуры дальнотойщиков и простых водителей с дефицитными грузами.

Срок большой у мужа, а Ниночке облегчение, передышка вышла душой не бояться, дышать без стеснения в груди, говорить полным голосом.

Одно плохо – бескормица. Раньше хоть какие-никакие деньжонки водились, а теперь, где ж они?

Они у тех, кто по жизни вертится, работает или так по удаче живет. А у Ниночки, какая удача? Она не работает, сын малой, его без глаза не оставишь...

Она и рада была бы вертеться, да не выплясывается у нее ничего. Живет на пособие по ребенку, да на случайный заработок – конверты на дому клеит для почтамта. Вот и весь навар, как бульон после варки яиц. И-ехх! Жизнь Бекова – тебя бьют, а тебе некого!

В нужде и не заметила, как сын Андрюша в школу пошел. И в кого он только уродился? Все на лету схватывает. Дневник пятерками, как дипломатическая почта печатями, облеплен. Учителя не нарадуются, медалей с олимпиад навозил, хоть крышки закаточные из них делай к банкам, в которых огурцы маринуют.

Вырос парень на материнских глазах да на слезах вдовьих.

Андрейкиного папашу поделеньки на лесоповале бензопилой «сделали» на лангеты, а мясо собакам скормили. Так вот Ниночка вдовой и стала. Плакала больше по своей загубленной жизни, чем о муженьке. Одна о нем память – бока женские, да шрамы душевные.

Плач не плач, а жить надо, куда денешься? Соседка сосватала ей надомную работу – конверты для почты клеить. Работа немудреная, а на хлеб, правда, без масла заработать можно. Сиди себе дома, кромсай ножницами бумагу, делай крой, а потом лизни пару раз кисточкой с клеем, прижми ладошкой – всего и делов-то!

Бумага, как железо кровельное, жесткая, плотная. А в ней письма по всему свету ласточкой разлетаются. Что еще нужно человеку? Сына Андрюшу проводит в школу, и за ножницы. Сотню-другую отнесет на почту, а там ей рублики отсчитают: – покупай, родная, в мясной лавке косточек на супчик, обрежь какую-никакую на жаркое, половину кирпичика хлеба, вот тебе и обед скоромный! Все, как у всех.

Сначала Ниночка стыдилась в мясной лавке с подноса по самой бросовой цене подбирать косточки, какие посахаристей да обрежь, какая поспособней для жарки.

– Взвесьте, – скажет, – косточек, да обрези помясистей собачке моей. Она еще щеночек, такой ласковый...

Продавец, мясник плечистый, морда, как после бани красная, бросит небрежно на весы ошмётя:

– Пять рублей! – и отвернется к другому, который вырезку просит рубликов за триста на килограмм. Вот этот покупатель, а ты, мол, только от дела отрываешь!

Стыдиться Ниночка, прячет в пакет свою покупку – и в дверь до следующего раза. Андрюша из школы вернется, а ему супчик на костном бульоне, да поджарка с макаронами. Вот и сыт малый! Ему для роста витаминок бы, да уж как-нибудь и так вырастит.

А и, правда. Рос Андрюша быстро. Одно плохо – одежонка быстро изнашивается. Но и тут Ниночка нашлась, что делать. Магазины секонд-хенд напротив барака открылся, там всякого барахла на вес продают. Подберет Андрюше самое необходимое и принесет домой. Скажет: «Вот, сынка, я тебе курточку пошила! Брючки-джинсики примерь! Ах, как ладно! Обновочка впору подошла!»

Идет Андрюша в школу, одет, обут, как все. Товарищи в джинсах – и он в джинсах. Товарищи в курточках – и он тоже в куртке заграничной.

Пойди, разберись, где покупали?

Хороша рыночная власть – почти новые вещи выбрасывают на помойку! На днях потихоньку покопалась, покопалась да и нашла ранец кожаный для Андрюшиных учебников. Хороший ранец, век износу не будет. Дома протерла подсолнечным маслом, он и заблестел, заиграл пряжками да застежками, словно заранее знает, что Андрюшины пятерки в нем будет носить.

Хороша рыночная власть. Косточек почти задаром можно на супчик выбрать. На помойке или в секонд-хенде вещишки отыскать почти совсем не ношенные. Работу на дому, делать, за которую хоть небольшие, но рублики можно получить.

Не нарадуется Ниночка Теплякова на жизнь. Все-то ей везет. Косточки, если долго кипятить, хороший бульон получится. Пшеница щепоть в навар или капустки припустил, вот тебе и хлёбово! Обрежь хорошенько под водой промыл – и на сковороду с лучком да с картошечкой. Ешь не брезгуй!

Все хорошо, да, что нехорошо – рядом ложиться...

Освободилась Ниночка от надомной работы. На почте теперь вместо бумажных конвертов, пластиковые в моде, гораздо удобней они и технологичней.

Вот и кончились заработки, вот и пришло время, сидеть, сложа руки.

А так Ниночка сидеть не умеет, да и что, сидней высидишь? Куда ей идти? Граматенки почти никакой: неполное среднее образование, а теперь и с высшим-то не скоро работу найдешь. Попыталась устроиться дворником, да там на это место по десятку таджиков дожидается.

Посмотрели в управляющей компании – русская, что с нее возьмешь? И отказали. У нас, говорят, все на десять лет расписано, дворники не нужны, сами управляемся!

Вот ей снова судьба на всем ходу ножку подставила, пошатнулась Ниночка Теплякова, но упасть не упала, мир не без добрых людей. Соседка, у которой она от муженька пряталась, переехала жить в новый коттедж.

Сын, капитан милиции, при новой власти в гору пошел: авторитетными пацанами обзавелся, женился на молоденькой певичке из крутого ансамбля, деньги в кадушке из-под огурцов под прессом держал, в банк класть опасался.

Коттедж да кадушка из-под огурцов, – самое надежное дело! Реальные пацаны на разборках перестреляются, банк самоликвидируется, переправившись куда-нибудь на Канары, а коттедж всегда на месте, землетрясений в нашей местности не ожидается, и кадушка всегда под рукой.

Коттедж в три этажа, одних комнат пятнадцать штук, туалетов пяток, да зал бильярдный – где же Анне Петровне, пожилой женщине управиться?

Анна Петровна, это та соседка Ниночке Тепляковой, у которой сын капитан милиции был, а теперь полковник внутренней службы.

Ничего не скажешь, хорошая служба, не пыльная, а к рукам капуста липнет, очень уж рука волосатая стала. Может, когда придет время исследовать этот феномен, но теперешние власти не любопытные, да и мы любопытничать не будем.

Певичка всегда в разъездах, и не ее это дело туалеты чистить! Вот и позвала Анна Петровна Ниночку по дому управляться.

– Я слышала, – говорит соседка, – ты работу ищешь? Приходи ко мне в помощники! Всего и делов-то, чтобы комнаты в чистоте были и в опрятности. Стол мой вам с Андрюшенькой, и рубликов несколько на карманные расходы я давать буду. Соглашайся!

А, как не согласишься, когда нужда с ног валит?

– Спасибо, Анна Петровна! – сказала Ниночка, а у самой на глазах слезы.

Очень чувствительным человек становится, когда бедный. И уважительным. Глаза всегда на мокром месте и спина в поклоне.

Для Ниночки с сыночком началась новая жизнь: продукты для них уже не имели столь сакраментального значения и от здоровой пищи Андрюша стал быстро входить в силу, возмужал. Только поначалу очень уж стеснялся садиться за чужой стол, но добрейшая Анна Петровна все поставила на свои места.

– Андрюша, говорила она, твоя мамка здесь работает домоуправом, и тебе стесняться нечего. Она хорошо готовит, поэтому кушай, набирайся сил, тебе учиться надо. Вот выучишься, в институт поступишь, тогда и нас с мамкой не забывай, а пока ешь, поправляйся!

Ниночка в доме Анны Петровны быстро освоилась и приживалкой себя не чувствовала. Работа по дому ей была не в тягость, для любой женщины это, что называется, способ жизни.

Анна Петровна им комнату выделила: «Живите зиму, – сказала, – все одно комнаты пустуют! Зачем вам в подвале ютиться да за газовое отопление деньги отваливать? У нас места хватит. Мой Егорка /это она так сына, полковника, Егоркой, называет/ дома совсем не живет, все в Москве да в Питере обитает! В депутаты готовится. Я. говорит, мамка, скоро большим человеком буду, меня тогда рукой не достанешь. Куда ж ему больше расти, он и так под самый потолок! Ему бы жениться на порядочной женщине, а не на этой прости Господи, трясогузке. Она скачет, где хочет и с ладони кормится, кто покормит. Говорю сыну: «Для кого ты жену взял?» А он смеется: «Так надо – говорит. – Для меня такая жена, как орден на груди. Билет в депутатское кресло. Она при Путине в «Народном Фронте» состоит. Авторитет!»

Поцокает горестно языком Анна Петровна и уйдет к себе в комнату телевизор плазменный во всю стенку смотреть, а Ниночка постоит, постоит с тряпкой в руках и задумается о чем-то.

Стала Ниночка постепенно чувствовать в себе женскую силу, одежонку справила, если, не совсем по моде, то достаточно приличную, чтобы на люди показаться. Соберется погулять куда-нибудь пойти, встанет перед зеркалом, губки помадой подкрасит, глазки подведет карандашиком косметическим – вот и снова – баба ягодка!

Ай, как бы сын не захватил! Послунит палец, погасит косметику и боязливо на дверь покосится. Скоро Андрюша из школы должен вернуться. Не хорошо! Сын школу кончает, а она красоту наводит, в девочку играет. Не хорошо!

И стухнет вся.

День за днем, за осенью зима, время быстро катится, вот Андрюша и закончил школу. Медалист. Бабу Ягу, то есть, ЕГЭ на сто баллов до косточек раздел. Теперь ему все дороги открыты, все вузы, все университеты с академиями его с распростертыми руками ждут: «Заходи, не стесняйся! Ломоносов тоже из простолюдин, а вон, какие высоты достал, до самых звезд дотянулся!»

Недолго думая, послал Андрюша документы в самый, что ни на есть главный вуз страны – московский университет. Оттуда ответили, что умные знатоки им очень нужны, приезжай и внедряйся в науку, а то без таких способных, Россия совсем захирела, гвозди разучилась делать, все на Запад да на Восток с завистью посматривает, где знания во главе угла в государствах стоят, и доктора наук дворниками по совместительству не работают, чтобы в семье хлеб с маслом был.

Собирали Андрюшу в Москву вместе с Анной Петровной. Кое-какие деньжонки Ниночка сама набрала, кое-какие добрая Анна Петровна потихоньку в сумку с вещами Андрюши сунула, сам бы он никогда не взял, гордым вырос, независимым. «Все сам возьму!» – сказал он, уезжая, и только рукой отмахнул с подножки поезда.

Сквознячком подуло на Ниночку, опустело в душе уютное гнездышко, где сыночек ее ненаглядный обитал. Стихло все. Только память кружится и кружится, как вспугнутая птица, возле одной мысли: как там ее Андрюшенька в большом городе живет на стипендию крохотную да на своем характере крутом?

А вдруг и письмо пришло. Молодой студент пишет, что Москва, город большой, места всем хватит. Тут каждый норовит кусок, который послаще себе урвать. Кто работает, а кто из казны ворует. Каждому – свое! Вот и он устроился дворником в одно жилищное товарищество на целых тридцать тысяч рублей. Ты, мама, таких денег за всю жизнь не видела. Работа хоть и пыльная, но легкая. Встал утречком пораньше, помахал метлой, собрал пакеты да бутылки пластиковые – и ты свободен. Занятия в университете во вторую смену, так, что времени ему не занимать. Учеба легкая, можно ходить через день, это не школа. Никто за посещение лекций не ругает. Хочешь, учись, хочешь баклуши бей. Твои знания нужны только тебе самому. Государство в систему образования не вмешивается – рынок! Хочешь себя подороже продать, учись. Вот и он на лекциях всегда каждое слово профессоров – преподавателей ловит,

конспектирует. Потом в библиотеку, потом в общежитие спать. Вот получит первую получку, сразу купит электронный планшетник, компьютер такой, его можно в кармане носить. В нем любая книга в памяти забита, тогда и в библиотеку ходить не надо. Вся библиотека в этом планшетнике находится. Времени на сон будет более чем достаточно. Вот уж отосплюсь! Так, что, мамочка, не беспокойся, у меня денег будет столько, сколько ты никогда не считаешь. Приеду на каникулы, вот тогда все подробно и расскажу, а теперь я спать пойду. Мои товарищи по комнате деньгами, как грязью швыряются, по ночным клубам да по ресторанам шляются, меня не раз приглашали, а я все отказываюсь, про свою материальную несостоятельность молчу, стыдно. Когда получу высшее образование, тогда посмотрим...

Прочитала Ниночка это письмо и расплакалась. Представила своего Андрюшу с метлой ранним утром, когда его товарищи только с гулянок возвращаются, веселые и сытые. Заныло уязвленное сердце, да ничего поделать нельзя. Она бы и рада сынку помочь, да нечем, кроме материнских советов. А советы в карман не положишь...

Стала Ниночка деньжонки для сына копить-собирать, копейку к копейке, рубль к рублю прислонит – вот уже и в кармане звенит. Что ей надо? Кусок у Анны Петровны завсегда с маслом, завсегда – садись и ешь.

За зиму собрала Ниночка ни много, ни мало денег, но столько, что как раз хватит на билет до Москвы и обратно.

Посмотрю, как мой Андрюшенька живет, решила она. Зимние каникулы прошли, а он приехать не смог, писал, что экстерном сдает экзамены за первый курс и за первую сессию второго курса. «Теперь, мамка, я летом буду сдавать экзамены за второй курс – написал он в письме. – Летом обязательно приеду!»

Но сердце у матери – вещун, знала Ниночка, что и летом ей с сыночком не повидаться. Что это за Москва такая? Как мешок с семечками. Кто туда нырнул, назад не ворочается. Половина поселка в Москву перебрались. Вот и Ниночкины знакомые все там. Кто сгинул в бетонных подвалах, кто наркотиками прирабатывает, кто в проститутки подался. Эти самые счастливые. Нарядными, как куколки «Барби» в поселок на иномарках выхвалиться приезжают. От своих парней нос воротят. «Отвали, лузер, гребаный! – скажет такая своему бывшему жениху. – Ты – лох, лохом и останешься, а моя ночь на сто баксов тянет. Плати зелень, и я твоя!»

Такие вот теперь невесты у нас! Плати зелень...

Страшно становится Ниночке: а, вдруг и Андрюшеньке такая, какая подолом мокрым подмахнет! Надо ехать, посмотреть на его жизнь студенческую.

Собрала что повкуснее, сама принарядилась. А то, как же она к сыночку нищенкой заявится? У Андрюшиных дружков родители, видать, богатые, денег, видать, как сору, а у ней каждый рублик свою цену знает. Ох, ох, ох! Жизнь наша Бекова!

Поезд на Москву отходит вечером, в самый раз – ночь колесами на стыках простучит, и вот она – столица, где на сто лиц ни одного знакомого.

Адрес Ниночка в кулаке держит да из головы старается не выпустить. Зимний день короче ее полушубка, не успеешь головы поднять, уже вечер на носу. Ей бы на такси, – и заботы никакой, да где же такую уймищу денег взять? Вот она в метро на скамеечку и присела, маршруты по Москве изучает, как ей нужную станцию не пропустить. Электропоезда в подземных лабиринтах сквозняком мчатся, ждать не станут.

Втиснулась она в один такой шумливый, и швырнуло ее прямо на ту станцию, от которой ей автобусом ехать и ехать еще. Андрюшенька точно написал весь маршрут от вокзала до самого общежития.

Ей бы сообщить сыну, когда она вздумает к нему приехать, он бы ее и встретил, и не кружить бы ей по Москве с чужим народом. Узелок у нее в руках хоть и небольшой, а в дороге

и он помеха, – смотрит, куда бы его пристроить, чтобы руки освободить. А рядом все места заняты. Покрутила она головой в разные стороны, да и осталась стоять на своем месте.

– Гражданка! – говорит кто-то рядом. – Садитесь на мое место, мне все равно скоро выходить.

Обернулась она на голос приветливый, видит мужчину сидит, не старый еще, может, ровесник ей, или годков чуть поболее, но все равно видный такой и в очках золотой оправы. Точно, она сразу угадала, что это золото, хотя никогда в руках золотых украшений не держала. Уж очень свет праздничный от них шел, словно от свечей пасхальных, на которые она смотрела, когда молилась в храме за судьбу Андрюшину.

– Женщина, – снова сказал сосед, вам на какой остановке сходить?

Ниночку словно кто по щеке погладил, такой голос бархатистый и приветливый, что сладко застонало не привыкшее к мужской ласке и зачерствевшее в житейских заботах сердечко. Она и остановку свою сразу забыла, словно из головы выдуло. Замешкавшись, посмотрела в бумажку:

– Перелешино, – смущенно сказала она.

– Это вам еще ехать да ехать!

Мужчина усадил ее на свое место, а сам остался стоять рядом, придерживаясь за поручень. Автобус слегка покачивало и нога мужчины каждый раз, прикасаясь к Ниночкиному колену, вызвала в ней жаркий, уже почти забытый прилив чувств, от которых она зарделась вся, как школьница.

Чтобы отогнать от себя нескромные мысли, она отвернулась к окну, где громоздились, заслоняя друг друга каменные серые здания с горящими в вечерних сумерках огромными окнами на нижних этажах. Магазины, банки, конторы. Все кричало, выхвалялось, настойчиво, назойливо лезло в глаза: «Возьми меня! Возьми! Возьми, или прогадаешь!»

И Ниночка почувствовала себя такой ненужной, такой мелкой, такой бедной и ущербной в этом мире крикливого бахвальства, что от жалости к самой себе сжалось ее бедное сердечко, и стыдно ей стало в этом обогретом автобусе перед людьми, особенно перед этим внимательным мужчиной, который только что уступил ей место: незаконная она здесь, маленькая, как пылинка на белом отутюженном костюме, приготовленном к праздничному выходу.

Вспоминая свою бедность и наготу жизни, она машинально сунула руку за пазуху, где между двумя, еще не совсем обмякшими всхолмим, уляжисто, в телесном тепле, перевязанные носовым батистовым платочком покоились ее кровные деньги.

Она сразу еще и не поняла, не поверила, что там ничего нет. Испугано просунула глубже руку – пусто! А, как же сыночек? Андрюшенька? Деньги ему собирала!

Чувство опустошения, гибели чего-то такого, без которого невозможно жить, опрокинуло ее навзничь. Огромный, с десятком миллионов жителей город, – и все чужие, и как показалось ей, враждебно глядящие на нее из больших, празднично светящихся окон. Огромный, хищный, гигантский зверь, оцетинившись высотными зданиями, разинув вонючую пасть, бросился на нее и придавил своим костистым телом.

Она потеряла сознание.

Еще не понимая, что с ней случилось, Ниночка открыла глаза с горьким чувством потери чего-то большого, огромного, что составляло всю ее сущность.

«Андрюшенька! – вскрикнула она, но из губ только выпростался слабый стон. – Андрюшенька, я же тебе деньги...»

– Женщина, вам плохо? – участливо спрашивал ее мужчина, тот, что в золотых очках.

Автобус тихо урчал, как раздобревший на лежанке кот.

– Перелешино, Перелешино. – раздавалось со всех сторон. Перелешино. Автобус стоял, выпуская из открытых дверей нетерпеливых пассажиров.

– Женщина, ваша остановка! – мужчина в золотых очках, взяв под руку Ниночку, осторожно вывел ее на улицу.

На свежем воздухе ей стало лучше и она, в полной мере осознав свое положение, горько расплакалась, по-детски уткнувшись мужчине в плечо. Перед ней отчетливо и резко нарисовалась вся ее жизнь такая нескладная, убогая, неприглядная – здесь на шумном, ярком, как ей казалось, чужом празднике вечной молодости.

– Ну-ну, успокойтесь. Что с вами? – мужчина поправил ей на голове платок, заботливо заглядывая в глаза. – Вот мы и приехали!

Ни один мужчина в жизни с ней так не разговаривал. Она с первого момента, еще там, в автобусе, почувствовала к нему такую близость, что теперь плача и по-детски размазывая ладонью слезы, поведала ему все, чем жила на этом свете – и свое имя, и про свое сиротство, и про бандита-мужа, и про ненаглядного Андрюшеньку-студента, и про свои сбережения для сына, которые она потеряла или удачливые люди вытащили их прямо из-под нее носа.

– Что же теперь делать будем, Нина? – спросил мужчина, отставив правую ногу, как-то небрежно вывернутым носком в сторону. – Студенческого общежития уже давно нет, его городские власти превратили в шикарный отель для туристов. Вон, как его огни полыхают! Студентов выселили. От них дохода никакого, только морока одна. И где теперь наш студент, кто ж его знает? О том в университете на кафедре известно, но поздно уже. Эти дела надо с утра делать, – здраво рассудил удивительный попутчик, придерживая растерянную Ниночку за рукав.

– Я? Я? А, как же я? У меня в Москве ни одного знакомого! Куда ж теперь? – и Ниночка заплакала еще горше.

– Ну, это дело поправимое! У меня соседка одна в трехкомнатной квартире живет. Скучно ей. Она с радостью тебя на одну ночь пустит. Да и я теперь один бобылем живу. Жена в больнице операцию ждет. Если будет удобно, то и у меня можно переночевать. А сына завтра в университете найдете. Там на кафедре скажут. Пойдемте, поздно уже...

Уверенный, спокойный голос нового знакомого вселил в бедное сердце женщины надежду, что все будет хорошо. Сама виновата. Надо бы Андрюшеньку заранее предупредить, теперь не надоедала бы чужим людям.

– Я не знаю, чем вас отблагодарить. Правду говорят, что мир не без добрых людей. Спасибо вам!

– Пустяки! – смутился мужчина. Павел я! Павел Петрович Шапошников. Паша. Меня бойцы в Армии ППШа звали. Знаете, Автомат в Отечественную войну такой был. С круглым диском – «ППШа». Я бывший майор Советской Армии. В Афганистане ногу потерял. Теперь на пенсии. Живу вот... – мужчина, этот, Павел Петрович, неопределенно развел руками. По всему было видно, что он хочет упростить знакомство с растерявшейся в огромном городе женщиной, – Паша я. Ппша, одним словом.

– Ой! – вскрикнула Ниночка, – как же вы мне место уступили, Павел Петрович? Тяжело стоять так вот.

Ниночка боялась произнести слово «хромому». Вроде, как боялась обидеть своего неожиданного знакомого. Да и с виду сразу не скажешь, что бывший военный без ноги: стоит, переминается – привык, видать.

Ниночка так доверилась незнакомому человеку, его спокойным рассудительным словам, что смело пошла за ним по широкой припорошенной снегом улице, боясь отстать и потерять его из виду. Рядом шли, толкались, спешили люди, и у каждого была своя крыша и свое место в этом огромном человеческом муравейнике. Сердце Ниночки потерянно сжалось, такой она себе показалась несчастной и покинутой, что слезы непроизвольно скатывались по ее щекам, и она совсем не чувствовала их.

Попутчик, нет-нет, да и поглядывал в ее сторону, всячески ободряя приветливым взглядом.

Ниночка, как бы не поскользнуться, семенила следом, стараясь не думать о предстоящем ночлеге. В одной руке у нее был пластиковый пакет с домашними гостинцами, а другой рукой она придерживала воротник своей куртки, загораживаясь от стылого февральского ветра, в котором, казалось, сосредоточилась вся стылость уходящей зимы.

– А, вот мы и дома! – остановился новый знакомый возле высотного, с горящими окнами, дома.

Из-за этих высоких горящих окон казалось, что это и не дом вовсе, а вагоны поезда уходящего в бесконечную тьму ночи.

Мужчина набрал на светящемся табло несколько цифр, нажал кнопку и после певучего сигнала, дверь гостеприимно открылась.

Внутри было тепло и уютно.

Ниночку поразила чистота и обилие света. В том, полуподвальном помещении, где она проживала до того, как перешла к добрейшей Анне Петровне, коридор был заставлен до самого потолка всевозможными вещами, этим вечным хламом коммунальных бараков, от которых, кажется, избавиться было невозможно. В тесных мрачноватых коморках, лишнего места всегда не было, и всякая вещь, не нужная в данный момент выносилась в коридор, высвобождая жизненное пространство. А здесь, сколько пустует свободного места!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.